

Алексей Овчинников

Рассказы на этикетках

Токай самородный

Токай самородный – вино из неотсортированного винограда, сухое и сладкое. Ягоды собирают в октябре-ноябре и даже после первых заморозков. Предварительно виноградным гроздьям перекрывается доступ влаги, отчего грозди засахариваются и подсыхают.

– У тебя пряжка на ремне есть?

– Есть. Маленькая.

– На, попробуй ты... Может, этим – шпыньком удастся...

Бутылка оказалась у Лехи... Он в районе собственной ширинки целился и проталкивал. Изрядно вспотел. Особенно шея. На шее у него был повязан шейный платок. Ну как шейный платок – не совсем. Это был цветастый шарф производства стран «народной демократии». Но выглядел, точно как шейный платок Вознесенского.

Он бурчал под нос: «Блин, ведь недавно его пили, ведь знали же, что горло сужается...».

– Не, не получается, – прошипел Леха и передал бутылку обратно Димке. Тот поправил свою красную, в горох, бабочку, и вытащил из пиджака ручку «Паркер».

Зал филармонии бурно захопал, захопали и они. Ну как – бурно? Настолько, как может хлопать треть зала. Они сидели в последнем полупустом ряду, чтоб не мешать другим меломанам. Димка безуспешно тыкал «Паркером» пробку.

– Сильнее стукни!

– Сильнее – ручка сломается. Она с золотым пером!

Пробка прочно застряла ровно посередине горлышка. Такие венгры делали бутылки... Оригиналы, блин...

Винить было некого. Хотя первым предложил купить токай Саня, но он встретил бурное одобрение остальных. Никакой другой напиток не мог лучше подойти к концерту старинной музыки в филармонии. Не шумудяк же пить...

«Хорошо, что в филармонии плохая акустика, – подумал Леха, – а то мы бы музыкантом мешали...»

С начала концерта были перепробованы все предметы из карманов, которыми можно было легко протолкнуть пробку в бутылку любого другого вина. Три набора ключей, китайские ножнички для стрижки ногтей и наборной мундштук, через который Саня с большими понтами курил дешевые сигареты без фильтра... Еще он, тоже для понта, нацепил на себя какую-то средневековую рубашку в «брабантских кружевах». «У мамыши из костюмерной стащил, – подумал Леха. – Наверняка эти брабантские кружева в «Трех мушкетерах» снимались...»

Но сейчас было не до понтов – концерт неуклонно двигался к антракту, а наслаждения от старинной музыки не было никакого...

– Без штопора – не получится...

Все трое разочаровано смотрели на недоступную стеклотару.

– Идите в буфет – там штопор точно есть! – это громко зашептал обернувшийся к пацанам седовласый и красноносый меломан, сидевший на пару рядов ближе к сцене.

Две пожилые филармонические дамы в шляпках, сидевшие в их ряду поодаль, согласно закивали:

– А пока – давайте послушаем, мальчишки...

Не сдававшаяся бутылка токая была водворена под ноги. Оказывается, их ползала слышало! Удовольствие от мадригала XIV века было, но не слишком ли клавиесин затянул свое соло?..

В буфете была очередь, но пацанов пропустили. За три стакана «Буратино» буфетчица сама открыла токайское...

Филармония как-то сама собой облагораживает самые разные личности...

Карабахская водка

Водка «Русская» готовится по специальной технологии исключительно из пшеничного сырья с использованием шестикратной дистилляции. Использование воды из артезианской скважины и натурального сахара придают «Русской» исключительную мягкость, а настой пшеничных сухариков добавляет пикантности. Награды: 1967 г. – Лейпциг, большая золотая медаль; 1977 г. – Пловдив, большая золотая медаль.

– Скотство! Даже на «карабахскую» не хватает...

Вся-вся наличность лежала на столе. Жалкое зрелище.

– Я «карабахскую» не буду, – сказал Саня и протянул руку к кучке наличности. Но Вольф решительно встал между деньгами и рукой.

– Так мы что, манифест дописывать не будем?

Саня дрогнул, засомневался...

– Может, у Зайцева закуска есть?

Вольф и Зайцев были соседями по блоку общаги. Не блок, а сплошное «Ну, погоди!». Зайцев, конечно, выпить тоже хотел, но он всегда крепился, не скидывался на выпивку и изображал из себя «сыроеда». Хрустел потихоньку своей морковкой и капусткой за стенкой. Обычно его хватало на неделю постничества. Во время своего прошлого срыва он неосторожно отдал Вольфу гитару, и ее опять сломали. В смысле – опять сломали гитару Зайцева. По Саниным подсчетам, это была уже третья. Причем всегда случайно. Карма у Зайцева такая – отдавать Вольфу гитары на слом...

Карма – не карма, а клянчить у Зайцева было стыдно, ведь ему каждый раз обещали: «Да купим мы тебе новую!». Ага, купим... Тут даже на «карабахскую» не хватает.

– У меня немного плова осталось, – расщедрился Вольф.

Всем было известно, что он готовит очень вкусный плов. При этом всякий раз умудряется забрызгать жиром половину своей комнаты. Так что мебелировка была отмечена его готовкой: и книжные полки, и хирургический стол, на котором он спал, и даже любимая всеми заходящими девушками безглазая однорукая кукла...

Вольф заглянул под крышку казана, стоявшего в углу, подальше от гостей.

– Точно – тебе хватит закусить...

Саня сдался...

– Ладно... Но! Нам же все равно не хватает!

Тут подал голос Боря, который немного прикорнул на диванных подушках, лежащих на полу...

– Может – спать? Завтра Висконти в десять...

Вольф с Саней зашикали на него:

– Ты что? А манифест?

– Так вы его уже полчаса как не пишете... Может, завтра допишем?

- Завтра настроения не будет...
- А сегодня – бухла не будет...
Саня заглянул в свой стакан – волшебства не произошло.
- Пойдем, что ли, режиссеров пошерстим...
Вольф почесал синяк под глазом – это он уже вчера шерстил режиссеров.
- Не, ты не ходи...
- Я и не собирался... Давайте наш манифест кому-нибудь посвятим! – осенило Вольфа.
- Как это? – окончательно проснулся Борька.
Вольф был скуп на объяснения своих гениальных идей.
- Так и посвятим!
- Это ж манифест, а не кабацкая песня. «Расцветай под солнцем Грузия моя-я-я...» – запел Борька.
- Текст есть текст, значит, его можно кому-нибудь посвятить. Ну и что, что называется «Манифест»? Даже Сервантес умудрился посвятить «Дон Кихота» какому-то чуваку, – Вольф гнул свою линию...
- «Манифест коммунистической партии». Посвящается Полю Лафаргу за то, что взял замуж мою дочь Лауру. С надеждой, что после этого посвящения они бросят заниматься социализмом и подарят мне внука, – с нетрезвым вдохновением язвил Саня.
- Каждый уважающий себя художник будет рад, если мы ему посвятим манифест нового искусства!
- Кто конкретно?
- Конкретно – Серега Нохрин, – твердо подытожил Вольф.
- У него деньги должны быть... Только чтоб никто не сказал, когда он придет: «А, Нохрин! На хрен!».
Борька поднялся.
- Не скажет. Ладно, сейчас позову его... Скажу – Вольф с Саней тебе сюрприз приготовили.
Борька неожиданно бодро выскочил в коридор.
Вольф с треском вытащил лист из печатной машинки и над напечатанным названием «Манифест» написал ручкой: «Посвящается Сергею Нохрину».
- Вот! – отчеканил Вольф и сгрел деньги со стола в карман. – Чтоб сразу не подумал...

В коридоре слышны были голоса Борьки и Нохрина.

– Быстро согласился прийти... Борька умеет уболтать...

Открылась дверь, Борька проскользнул в комнату и быстро занял свое место на полу. Он с нескрываемым интересом стал наблюдать за остальными и ждать, что выйдет из всей задумки. Нохрин занимал весь проем двери. Высокий симпатичный мужик смотрел на присутствующих несколько озабоченно. Родом он был из Е-бурга и гордился тем, что учился на одном курсе с Башлачевым в университете. Называл его по-своему исключительно «Башлак». Шел 93-й, и самоубийство было еще свежо в памяти. Учился Нохрин на документалиста и относился к сценаристам уважительно.

– Чего звали? Опять бухаете?

Вольф торжественно поднялся с листком в руке.

– Поздравляю, Серега! Мы посвятили тебе манифест нового искусства!

Нохрин быстро и неожиданно отреагировал:

– Посвятили манифест мне? Нет, не надо. Не делайте этого...

Вольф и Саня очень удивились – странная реакция. Правда, в выражении лица Нохрина мелькнуло что-то очень советское – «как бы чего не вышло».

– Прочитай ему, Вов, он просто не врубается...

Вольф начал торжественно читать:

– «Манифест. Черновик».

После слова «черновик» Вольф торжественно поднял указательный палец.

– ...Посвящается Сергею Нохрину!

– Я же просил – не надо посвящать...

– Да ты послушай сначала! – оборвал его Саня.

Вольф продолжил торжественно зачитывать в повисшей тишине: «Старое искусство стало окончательно деспотичным. Старое искусство превратилось в золотой фонд, оно абсолютно элитарно и плодит на своем теле халтурщиков, прячущих за эстетской лабудой полную неспособность творить искусство подлинно народное, – Вольф подержал «качаловскую» паузу и продолжил: – Все ходят серые, как гении...»

– Отличная фраза! – поддержал Вольфа Борька.

– Да, – скромно согласился автор фразы. – Слушай дальше!

«...Перед нами огромный народ, который в большинстве своем предпочитает иностранный суррогат поделкам доморожденных «серых гениев». За разглагольствованиями о «хамском вкусе» и «низком культурном уровне» народа прячется полная творческая импотенция. Кинематограф XX века первым наметил этот разрыв. Телевидение, видео и компьютер являют собой эпитафию старому искусству!»

Вольф остановился и глотнул воды из стакана.

– Ну как, Серега? – горделиво обратился к Нохрину Саня.

– Пока хорошо... Но только точно скажу – не надо мне его посвящать...

– Да ты послушай дальше, я сразу к финалу, – Вольф взял вторую страницу. – Тут дальше про степени свободы разных видов искусства... А, вот.

«...Предлагаем вернуться к *ярмарке!*»

– Подожди, – прервал Нохрин. И сел рядом с Борькой. – А что там за степени свободы? Физика?

– Степень свободы, – опередив Вольфа, заговорил Саня, – это способность зрителя вмешиваться в то, что он смотрит. Вот, например, Рафаэль расписал Сикстинскую капеллу. Сколько степеней свободы у зрителя, современника Рафаэля?

– Не знаю. А что такое степень свободы? Я же гуманитарий...

– Это неважно, ты тоже поймешь. У зрителя, современника Рафаэля, всего одна степень свободы – приехать в Рим и посмотреть на мадонну или не ехать и не смотреть. Третьего ему не дано. И это – еще в лучшем случае. А если он русский крепостной? Ноль у него степеней свободы. Никогда он не увидит шедевр Рафаэля!

Борька решил блеснуть актерской памятью:

– Об этом и писал Некрасов. «Был я недавно в стенах Ватикана, по Колизею две ночи бродил. Видел я в Вене Святого Стефана, что же – все это народ сотворил?»

– Ну я не об этом. А вот ты, Серега, современный зритель. Ты, скажем, переключил канал на телевизоре – всё, обладаешь одной степенью свободы. Еще переключил – еще одна. И так далее...

– А-а-а... А зачем это?

– Мы существуем в мире, где у любого зрителя степени свободы стремятся к бесконечности! Об этом и манифест!

– Вы слушать будете финал? – возмутился невнимательностью к своей персоне Вольф.

– Давай, читай!

Вольф начал снова.

«...Предлагаем вернуться к ярмарке. Что такое ярмарка? Это – афиша, витрина, фейерверк, аттракцион, зазывала, раек, вертеп, народный театр, скоморошество!

Правила ярмарки просты и «съедобны» для зрителя сразу. Стилль ярмарки – лубок. Метод воздействия – шок.

Этот шок имеет три составляющие – страх, смех и сострадание. Телевидение, видео и компьютер есть новейшие ярмарки зрелищ. Недалек тот день, когда зритель будет иметь возможность формировать правила игры в процессе самого зрелища.

Грядет активная обратная связь, и от нее никуда не деться.

Наша задача – разработать искусство активной обратной связи. Да здравствует искусство для народа, да здравствует активная связь народа с искусством!»

Вольф красиво, по-театральному, кинул прочитанные листки на стол. Все молчали и смотрели на Нохрина.

Нохрин оглянулся... Вздохнул глубоко.

– А выпить есть?

– Кончилось... И денег нет...

Молчание тянулось.

Борька первым не выдержал, встал.

– Я пошел, завтра «Ягуар» на первой паре.

– Подожди, Борь, – Нохрин явно боялся остаться без единственного разумного, по его мнению, собутыльника. – У меня есть немного денег. «Карабахскую» можно купить...

Напряжение в комнате как-то сразу спало.

– А я сходить могу, – Саня тоже встал, – проветрюсь немного.

Нохрин достал несколько купюр и отдал Сане.

– Сдачу принесу, – сказал Саня уже в дверях.

Пришла, пожалуй, пора объяснить, что за зверь такой – «карабахская» водка. Так сложилось, что на водке «русская» в СССР было два вида этикеток. Одна просто с надписями и медальками, а вторая – тоже с надписями и медальками, но еще и с рисунком двух богатырей на конях. Народ шутил так: «Два богатыря ищут третьего, который их выпьет».

Так вот – на этикетке «карабахской» водки была единственная надпись «Русская водка» и рисунок двух очень блеклых, почти черно-белых богатырей. Ни где ее делают, ни даже содержание спирта пропечатаны не были. Типичный перестроечный минимализм. Продавалась она прямо напротив общаги на Галушкина, в малюсеньком грязном ларьке. Работали там по ночам такие же студенты-киношники. Они и сообщили всем, что возят этот разбавленный спирт из Нагорного Карабаха. Вкус был сивушный и с непривычки неудобоваримый. Но на Галушкина жил народ тертый – не морщились. Насчет отравится – никто вроде не отравился пока... Но это, конечно, пока...

Саня вернулся с этой странной бутылкой, разлили. Нохрин стукнул в стенку Зайцева. Явился Зайцев и согласился выпить полстакана – больше после капусты нельзя, сразу захмелеешь. Ему тоже похвастали, что написали манифест нового искусства, но прочесть не дали, потом. Чем хороша была «карабахская»? После ее сивухи совершенно не тянуло продолжать пьянку.

– Ну что, за манифест?

– Давай!

– За манифест!

– За вас, пацаны!

– За творческих узбеков! – Нохрин не спешил чокаться. – Только вы мою фамилию уберете?

Вольф хлопнул Нохрина по плечу.

– Ты ж проставился! Уберем!

Нохрин стал чокаться со всеми.

– За вас, пацаны! За ваш манифест!

Выпили. Никого не стошнило. Утром на «Ягуар» Висконти явились в полном составе. Старое искусство надо было еще немного изучить...

Полдюжины шампанского

Советское шампанское – марка игристого вина, производимого по резервуарному методу (метод Шарма) в СССР начиная с 1937 года, устоявшаяся торговая марка на рынке алкогольной продукции СССР. Эта марка применялась к продукции всех заводов, выпускающих игристые вина.

Заходит престарелый Левитан в Елисеевский гастроном и обращается к продавщице:

– Будьте добры, нарежьте сто грамм докторской колбасы, сыра пошехонского граммов триста, булку хлеба и бутылочку (в полный голос Информбюро) *Советского шампанского*!

Анекдот

Ну кто пил водку до «сухого закона»? Из студентов – никто. Ну разве что Саня Чел. Зато Чел пил ее публично, с бравадой, как все, что он делал в жизни. И вдруг – неожиданная от него реплика:

– А нам шампанского хватит?

– Шесть бутылок вроде взяли...

– Дай мне две. Без тебя открывать не буду...

Андрей подозвал одного из своих помощников, и две бутылки перекочевали в торбу из мешковины, которую Чел взял у знакомой «девчушки». Так он называл всех особей женского пола, независимо от возраста.

– Пошли, а то Мост без нас раскачают!

Мост был построен в конце 60-х и держался на стальных опорах. Практически сразу после его постройки студенты-физики придумали Мосту практическое применение – начали проверять на нем явление резонанса. Если человек 15-20 начинали прыгать посередине моста в унисон, он начинал сильно раскачиваться. Раз в год Мост подвергался проверке на прочность. В этот раз «качков» собралось много – больше сотни человек. А может, и все двести.

Андрей пробился сквозь толпу и остановил ее. Он же задал ритм прыжков – прыгал, прищелкивая пальцами. Вместе с ним прыгали члены оргкомитета, прыгали гости, прыгали первокурсники и первокурсницы, повизгивая от страха, кто про себя, а кто в голос.

Прохожие со стороны бульвара и со стороны уголка городской старины остановились и выжидали. Мост так качался, что сделать шаг на него казалось подвигом. Андрею и самому стало страшно – Мост аж гудел от напряжения. Он прекратил собственные прыжки и крикнул:

– Теперь вразнойбой.

Прыжки вразнойбой всегда останавливали резонанс. Девушки легкого веса схватились за перила. Не так-то просто прыгать вразнойбой после дружных движений. Но все удалось. Прохожие с осторожностью пошли по своим делам, поглядывая на толпу с недоверием. Андрей открыл бутылку шампанского. Чел тоже открыл. Пробки, как две ракеты, улетели в темноту.

– Славно раскачали!

– Славно!

– Пошли теперь к Памятнику!

Кто был на этом гулянии, завершающем ежегодный День физика, в первый раз, маршрута не знали, для них и кричали. Следующая остановка – у Памятника. Вытащили гитары, запели, пошли...

Памятник привлекал многих. Курсанты морских училищ надевали на полуголога француза гюйс, десятиклассники громко зачитывали тут темы выпускных сочинений по литературе, будущие бармены пытались чокнуться с ним. Физики обычно просто влезали на постамент и кричали: «С праздником!».

Впрочем, влезать было не обязательным молодечеством. Частенько рядом стоял наряд милиции, и тогда никто на Памятник не лез – лишние неприятности были ни к чему. На этот раз милиции рядом не было.

Толпа окружила Памятник, и обязательный тогда в любом вузе на любом курсе высокий сухопарый очкарик в ветровке полез наверх. Звали его Коля. Выглядел он, как настоящий альпинист и автор песен, хотя не был ни тем, ни другим. Но ведь такие парни в ветровках и покоряли вершины. А тут – всего метра три вверх. Толпа заплодировала. Андрею лезть вовсе не хотелось, но – *oblige*. Главный организатор должен везде успевать, иначе останется не на высоте. Чел подсадил, и он легко влез на постамент. Лицом к лицу Памятник оказался высоченным. Места там, наверху, было совсем немного – высокий Коля держался за шею, а Андрей за бронзовую руку. Чел протянул Андрею остатки шампанского. Под крики «ура!» Андрей легонько чокнулся бутылкой с носом Памятника и пригубил из горлышка. В этот момент краем глаза он увидел подъезжавшую патрульную машину.

Одновременно на Памятник полез Слава. И он, и Коля увиделись вокруг одной и той же девицы, так что понять его было можно. Он и внешне, и, видимо, внутренне был полной противоположностью долговязого Коли – такой кругленький, румяный, хорошо и чисто одетый. Весь его вид говорил о том, что он покорил жизнь, и для полного счастья ему не хватает только этого покорения Памятника. Но, как известно, полное счастье – философская абстракция, недостижимая в сансаре.

Подъехавшие менты сразу заметили попытки какого-то пижона залезть на главную городскую достопримечательность. Сержант, растолкав немного растерявшуюся толпу, потянул толстячка за джинсы, и тот, потеряв равновесие, покатился по стилобату. Славик, надо отдать ему должное, растерялся только на мгновение. Почувствовав явную угрозу своему благополучию, быстро

вскочил и побежал от сержанта. Андрей с высоты своего положения наблюдал забавную картину. Толпа сомкнулась вокруг Памятника, а вокруг нее, смешно семеня ногами, бегал Слава, лениво преследуемый сержантом, негромко посвистывающим в свой свисток. На них с Колей, тоже явно нарушивших общественный покой, никто не обращал внимания. Он тихо сказал Коле:

– Слезаем...

Тихо слезли и смешались с толпой.

Наконец Слава, заметно умаявшись от бега, догадался тоже залезть внутрь толпы. Его не выдавали. Сержант стоял один против сотни студентов, не понимая, что предпринять. Его успокоили хором:

– Мы уходим, больше влезать не будем.

Наряд милиции это мировое соглашение вполне устроило, а то пиши потом объяснительные, как дозволили свершиться хулиганству.

– Ну что – «Чемодан»? – спросил Андрей. – Одна команда будет моя, другая – Чела.

Начало этой по-своему уникальной игры уходило в 70-е или даже в 60-е. Суть была проста – команды по очереди пели песню «А ну-ка, убери свой чемоданчик», постепенно придумывая свои собственные куплеты. Поскольку песня – это, по сути, перепалка между двумя пассажирами, то и команды должны были переругиваться, желательно с шутками и прибаутками. Причем придумать новый куплет нужно было быстро, под один гитарный квадрат музыкального проигрыша. Если команда сбилась – проиграла. Обычно играли до трех проколов одной из команд. «А что было бы, если бы никто не сбивался?» – спросите вы. Тогда обе команды спустились бы по Лестнице. Ведь пение одного куплета, по правилам, позволяло спуститься всего на одну ступеньку. Таким макаром команды должны были спеть 193 куплета «Чемодана». Впрочем, такого никогда не случалось, народ сбивался обычно где-то к середине Лестницы. Матерные слова, кстати, были запрещены к употреблению.

– Победителю – две бутылки шампанского от организаторов! – заявил Чел, и Андрей подтвердил его слова. В горле от длительного пения всегда пересыхало.

Игра началась.

– А поезд тихо шел на Бердичев...

Ступенька.

– На полочке лежал чемоданчик...

Ступенька.

– А ну-ка убери свой чемоданчик...

Ступенька.

Дальше канонический текст заканчивался. Почему-то тут принято было помянуть бригадира поезда. Наверное, те, кто придумал игру, подрабатывали проводниками на железной дороге.

– А это чемодан бригадира...

Ступенька.

– Ваш бригадир отстал в Шепетовке...

Ступенька.

– Тогда давай разделим чемоданчик...

Ступенька.

– Похоже, что вы все – проходимцы...

Ступенька.

– Не проходимцы мы, а педагоги...

Ступенька.

– Тогда ты начерти пару формул,
Тогда ты начерти пару формул,
Тогда ты начерти, тогда ты на пару,
Тогда ты начерти пару формул!

Ступенька.

Вот «Е» равно «эм це», но в квадрате,
Вот «Е» равно «эм це», но в квадрате,
Эйнштейн сказал, что «эм», Эйнштейн сказал, что «цэ»,
Еще сказал, что все они в квадрате!

Ступенька. Первый сбой. После совещания проигравшей команды игра продолжалась. Лидеры команд сменились, Андрей с Челом шли перед играющими, слушали и судили.

– А куда потом? – тихо спросил Чел.

– В Парк обычно. Там у бастиона и финал. Но туда мало кто доходит, все уже устали...

Наконец одна из команд сдалась. Андрей с Челом снова вскрыли шампанское, и оно пошло по кругу.

– Обязательная программа закончена!

Народ вразброд пошел по приморской улице.

Из Парка открывался прекрасный вид на работающий порт. Андрей увидел, что Чел вдохновенно вешает лапшу красавице и танцорке Ане.

– А зачем ты просил шампанское?

– О! Хорошо, что напомнил, – оживился Чел. – Аня, можешь снять одну туфлю?

Аня замялась. Она не была уверена, что мама одобрила бы ее... Но туфлю на высоченном каблуке сняла.

Чел открыл последнюю бутылку, подхватил Анину лодочку и до краев наполнил ее шипучим напитком. Аня стояла, открыв рот. Да и прочие тоже.

Андрей засмеялся.

– Слышал про эти твои подвиги, но думал, это просто выдумки.

– Никаких выдумок в таком серьезном гусарстве допускать нельзя! Будешь?

– Давай... За дам!

Андрей отпил немного, передал Челу.

– За прекрасных дам!

Чел выпил до дна. После этого он подхватил Аню на руки, и они исчезли в темноте Парка.